

Перевод: Shitsumei aka Хороший яойщик, годный

Коррект: Meow-tyan

Редакт: Yaranaika

Оформление и QC: xev

<http://im.ucoz.com>

Глава 4

Всюду, куда бы Мацуока ни шёл, играли рождественские мелодии. Прохожие, казалось, буквально изнывали в ожидании праздника. Облачившись в женский образ впервые за долгое время, Мацуока сел на поезд метро, шедший напрямик к подземному уровню отдела продаж. Пальто с белой меховой отделкой льстило фигуре, даже по его собственному мнению. Пока он ожидал поезд, с ним пытались завязать знакомство двое мужчин.

Ещё не настал час пик, но в вагоне уже было тесновато. Кроме сумочки Мацуока держал в руках бумажный пакет с только что купленным подарком. После долгих размышлений он остановил свой выбор на перчатках: чёрных, из тонкой, но очень тёплой кожи. В выборе одежды и галстуков многое зависит от личного вкуса, но Мацуока полагал, что люди, как правило, не столь придирчивы к простым аксессуарам. К тому же благодаря чёрному цвету их легко сочетать с чем угодно.

Бросив взгляд на унылую панораму за окнами вагона, Мацуока в который раз вздохнул. С тех пор как Хиросуэ проводил его, они больше не виделись. Наблюдение за ближайшей к дому мужчины станцией успехом не увенчалось, скорее всего, из-за переменчивого графика его работы. У Мацуоки был свой трудовой распорядок дня, поэтому он не мог постоянно следить за станцией в одно и то же время. Неудача за неудачей переполнили чашу его терпения.

Не успел он опомниться, как наступил канун Рождества. Мацуока решил во что бы то ни стало вручить мужчине подарок — это была единственная причина, по которой он сегодня переоделся в женщину. Он просто хотел обрадовать Хиросуэ, совершенно не подумав о том, к каким последствиям может привести такой поступок.

Мацуока вышел на ближайшей к дому мужчины станции и прошёл через турникет. Было семь часов вечера, но в квартире под номером триста шесть на третьем этаже свет не горел. Убедившись, что Хиросуэ нет дома, он вернулся к выходу со станции и остановился напротив турникетов. Можно было бы подождать рядом с квартирой, но в таком случае придётся объясняться, откуда ему известен адрес. Поэтому Мацуока намеревался столкнуться с ним около станции, списав встречу на приятную случайность. Что до подарка, то он оправдался бы тем, что получил его от другого человека, обнаружив внутри мужские перчатки. Может, передаривать и невежливо, но Мацуока не хотел давать Хиросуэ ложную надежду тем, что сам купил подарок.

Пусть Мацуока и планировал полностью избавиться от Ёко Это, тем не менее при первом же удобном случае он использовал её личность в угоду собственной прихоти. Но даже осознавая свои противоречивые действия, он ничего не мог с собой поделать.

Пошёл снег, и рядом раздался радостный возглас. Окружающие смотрели в небо. С самого утра было довольно прохладно, однако Мацуока не ожидал, что дойдет до снегопада.

Его восхищение снежным Рождеством было недолгим. С наступлением вечера и постепенным исчезновением уличной суеты Мацуока начал нервничать. Он ждал Хиросуэ именно здесь, потому что тот должен был сойти на этой станции. Но прошло два часа, а мужчины всё не было. Мацуока уже успел сходить к квартире и убедиться, что в ней никого нет. Хиросуэ было необходимо пройти через станцию, чтобы попасть домой.

«Он уже идёт», — твердил себе Мацуока, как вдруг замер от внезапного озарения. Возможно, Хиросуэ с кем-то отмечал свой день рождения. Если не с девушкой, то с

другом. В таком случае он не придёт домой в ближайшее время, а если и придёт, то может воспользоваться другим видом транспорта.

Мацуока поспешно вернулся к дому Хиросуэ: его ноги затекли и устали от длительного пребывания в обуви на каблуках. В окне квартиры горел свет, и Мацуока поник, осознав, что мужчина вернулся домой не на метро.

Теперь вариант «случайной» встречи отпадал. Хитроумный план рухнул. Если Мацуока заявится к Хиросуэ, только чтобы вручить подарок, то внушит ему ложную надежду. Но даже если не отдавать лично, мужчина всё равно может понять неправильно, узнав, от кого этот подарок.

Он мог бы повесить пакет на дверную ручку и уйти, но, обнаружив оставленную кем-то вещь, хозяин квартиры, скорее, отнесётся к ней с подозрением, нежели с радостью. Мацуока стоял перед дверью Хиросуэ и не мог собраться с мыслями. Его взгляд был прикован к кнопке звонка, но он не решался нажать на неё. Подойдя на цыпочках поближе, Мацуока различил звуки телевизора, доносящиеся изнутри квартиры.

Время утекало сквозь пальцы. Пять минут. Десять минут. После долгих сомнений мужчина вынул блокнот и написал на чистой странице: «Подарок для Вас. Ёко».

— Госпожа Ёко?

Мацуока изумлённо обернулся. Хиросуэ стоял рядом, одетый в чёрный спортивный костюм, в правой руке он держал магазинный пакет. Мацуока слышал шаги, но проигнорировал их, думая, что хозяин в квартире.

— Это действительно вы, Ёко, — удивление на его лице перешло в радость. Одного этого хватило, чтобы пустить сердце Мацуоки вскачь. — Вы знаете, где я живу?

Мацуока не мог признать, что однажды крался за мужчиной до самого его дома. Он поспешно перевернул страничку и выдумал оправдание:

«Мой знакомый живет неподалёку. Я заметила Вас здесь».

Хиросуэ прочитал записку. «Ясно», — пробормотал он. Мацуока протянул пакет с подарком.

— Что это?

Мацуока показал слова, написанные чуть раньше: «Подарок для Вас».

— По какому поводу?

«Ваш день рождения», — добавил Мацуока. Хиросуэ уставился на записку и поднял взгляд.

— Спасибо, — произнёс он, но даже не пошевелился, чтобы принять подарок. — Наверное, я как-то обмолвился о своём дне рождения в разговоре с вами, да? Мне очень приятно, что вы принесли подарок, но достаточно и того, что вы помните об этом.

Мацуока слегка куснул губу. Настойчиво протянул подарок.

— Жаль говорить это после всех ваших стараний, но мне ничего не нужно.

Мацуока повесил пакет на дверную ручку и проскользнул мимо Хиросуэ. Он уже был готов спуститься по лестнице, но мужчина остановил его, крепко и болезненно ухватив за правую руку.

— О чём вы только думаете? — спросил он с искаженным от отчаяния лицом. — Вы не отвечали на сообщения, и я решил, что это конец. Я пытался забыть вас. Я заставил себя забыть. Так зачем вы появились вновь? Чтобы вместе с этим подарком вручить мне очередную надежду? Моё настроение меняется от каждой вашей прихоти. Эмоции скачут, словно на американских горках, и это невыносимо.

С этими словами Хиросуэ привлёк Мацуоку ближе к себе, хотя тот и сопротивлялся. Но мужчина оказался сильнее.

— Я люблю вас.

Мацуока ощутил слабость в чужих объятиях.

— Вы же знаете, не так ли? — с этими словами Хиросуэ отстранился, продолжая удерживать Мацуоку рядом. Спина того болела от крепкой хватки. С лестницы раздались звуки шагов — мужчина опомнился и резко выпрямился. Не отпуская Мацуоку, он поднял оброненный перед дверью магазинный пакет и выудил ключ из кармана штанов.

По лестнице поднимался юноша и, проходя мимо, окинул пару пристальным взглядом. Мацуоку окатила волна страха при осознании, что сейчас его затолкают внутрь. Всё станет слишком рискованно, если они останутся наедине.

Дверь открылась. Мацуока дёрнул руку, пытаясь освободиться, но его притянули с удвоенной силой. Высокие каблуки лишали устойчивости, и он неуверенно пошатнулся. Его вовлекли внутрь, всё ещё крепко удерживая.

На пороге он почувствовал, как мужчина пытается поцеловать его, и отвернулся. Растерявшись, Хиросуэ не стал принуждать к поцелую, а замер на месте. Спонтанного всплеска эмоций хватило, чтобы втащить Мацуоку внутрь, но теперь он не знал, что делать.

— Заходите. Извините за беспорядок...

Особого смысла в приглашении не было, раз Мацуока уже оказался в квартире.

— Я вам ничего не сделаю, — добавил он, почувствовав тревогу гостя. Цепкие пальцы разомкнулись, и теперь всё зависело от воли Мацуоки. Если бы он захотел уйти домой, то достаточно было шагнуть за дверь. Также он мог остаться, если бы того захотел.

Из глубины квартиры раздавались приглушённые звуки телевизора, придавая напряжённой ситуации оттенок нелепости.

Мацуока открыл дверь и сделал шаг наружу. Подарок по-прежнему висел на дверной ручке. Сняв пакет, он снова предложил его Хиросуэ. Тот не пытался улыбнуться хотя бы из вежливости, и, принимая подарок, выглядел ужасно расстроенным.

В тесном дверном проёме Мацуока слегка наклонился и снял туфли. Он вошёл в комнату в четыре татами, с расстеленным в углу футоном и катацу, расположенным в центре. Определённо не роскошные хоромы; повсюду были видны следы повседневной жизни.

Мацуока сел на пол перед катацу, просунув ноги внутрь, и тепло обволокло их. Хиросуэ растерянно постоял у двери некоторое время, но всё-таки вошёл. Он вёл себя неуверенно, даже несмотря на то, что находился в своей собственной квартире.

— Простите за такой беспорядок, правда, — пробормотал он, быстро собирая кожуру мандарина со стола и выбрасывая её в мусорное ведро.

В этой комнате не за что было уцепиться взгляду. Мацуока оглядел обстановку с неприкрытым интересом, отчего Хиросуэ нервно опустил голову.

— Хотите кофе или что-нибудь вроде того? — оживившись, он направился в кухню и поставил чайник. Вода не спешила закипать, однако Хиросуэ не двинулся ни на шаг от газовой плиты. — Надеюсь, вы не против растворимого кофе.

Поставленный перед ним напиток по запаху напоминал кофе, подаваемый на работе в обеденное время. Непримечательный на вкус напиток всё же согревал.

— Вы не голодны? — спросил Хиросуэ по другую сторону стола, не притронувшись к собственной чашке.

«Немного», — честно ответил Мацуока. Едва он показал записку, мужчина засуетился:

— У меня есть магазинные онигири. Вы не возражаете?

Из оброненного в спешке пакета он достал набор из гарниров: запакованные онигири, салат, тушёные овощи и варёный горошек под соусом. Мацуока, конечно, проголодался, но не собирался съедать ужин Хиросуэ.

«Но это ведь Ваш ужин?» — написал он, на что мужчина отрицательно покачал головой.

— Всё в порядке, — сказал тот. — Я не голоден.

Живот Хиросуэ жалобно заурчал в ответ, и он густо покраснел.

— Кажется, мой желудок не согласен, — неловко произнёс мужчина.

Не желая лишать ужина голодного человека, Мацуока написал: «Пойду куплю себе что-нибудь».

Мужчина изменился в лице, увидев записку.

— Никуда идти не нужно, — выпалил он, — я правда не хочу, угощайтесь. Прошу.

Хиросуэ не хотел давать госте возможность покинуть квартиру, однако и сам не решался сходить и купить что-нибудь. Мацуока гадал, почему Хиросуэ не хочет выходить из квартиры. И понял, что заблуждался: Хиросуэ не боялся покидать квартиру, он просто не желал оставлять Мацуоку.

«Тогда давайте разделим поровну», — предложил компромисс Мацуока. Хиросуэ продолжал настаивать, что ничего не хочет, но Мацуока проигнорировал его и сноровисто поделил еду на две равные порции. Он приступил к ужину, в то время как Хиросуэ помедлил, прежде чем присоединиться. Когда они закончили трапезу, хозяин квартиры развил бурную деятельность, убирая со стола. По телевидению в это время шла трансляция грандиозного рождественского салюта.

«Откройте подарок».

Хиросуэ опустился напротив. Прочитав записку, потянулся к бумажному пакету и придвинул его к себе. Он развязал ленту на пакете с большой осторожностью. Когда показались перчатки, его губы сами собой сложились в улыбку. Прикоснувшись к ним, мужчина погладил их, наслаждаясь ощущениями. Затем надел их и слегка согнул длинные пальцы.

— Они такие тёплые. Спасибо. Вы уверены, что я достоин такой замечательной пары перчаток? Мне кажется, они слишком хороши для меня.

«Глупости. Носите с удовольствием!»

Мужчина улыбнулся и положил перчатки обратно. Когда представление подарка завершилось, вновь воцарилось молчание.

— Хотите мандаринов? Мои родители присылают их из деревни, — не дожидаясь ответа, Хиросуэ вынул несколько плодов из картонной коробки, стоящей в углу комнаты, и положил их на стол.

По правде говоря, скудного ужина едва ли хватило, чтобы насытить Мацуоку. Он потянулся к мандаринам и принялся их очищать. По телевидению беспрерывно транслировали рождественские программы. Мацуока поймал себя на мысли, что лучшего момента для ухода не найти.

Не то чтобы очень хотелось возвращаться, скорее, он осознавал, что не стоит здесь задерживаться. Наполовину очистив третий мандарин, он ощутил присутствие взгляда. Мацуока почувствовал такой прилив тревоги, что едва смог поднести дольку к губам. Почему-то это стало сложнее, чем несколько мгновений назад.

Заметив краем глаза передвижение мужчины, сидящего напротив, он насторожился. Хиросуэ перебрался на сторону Мацуоки и сел рядом, подвернув под себя ноги. Мацуока ожидал, что он что-нибудь скажет, однако мужчина безмолвно устался в пол.

— Такое чувство, будто ко мне домой забрела породистая кошка, слишком красивая для этого места, — наконец прозвучали отвлечённые слова. — Мне кажется, будто я во сне.

Хиросуэ был чересчур стеснителен для человека, затащившего Мацуоку в квартиру. Мужчина медленно перевёл взгляд на стену.

— Последний поезд отправляется через полчаса.

Мацуока подумал, что его просят уйти и поднялся.

— Что? Вы куда? Уже уходите?

Мацуока опешил. «А для чего ты тогда заговорил о последнем поезде? Разве это не намёк на то, что мне пора домой?» — хотелось ему спросить.

— Если вы хотите уйти, я не стану вас задерживать...

По несчастному выражению лица читалось, что он не хочет отпускать. Мацуока опустил обратно, не в силах разгадать настоящие мотивы Хиросуэ.

Упираясь обеими ладонями в пол, мужчина медленно приблизился к Мацуоке. Тот не поспешил отстраниться, даже когда их лица оказались совсем близко. В глазах Хиросуэ стояли едва различимые слёзы. При первом поцелуе они столкнулись носами. Это было невероятно неуклюже, но Мацуока не мог позволить себе рассмеяться.

Они разделили ещё один лёгкий поцелуй, едва коснувшись губами друг друга. Хотя это и было по-детски, у Мацуоки всё равно запылали уши. Они поцеловались вновь.

При следующем поцелуе мужчина коснулся его волос, отчего Мацуока поспешно отпрянул. Во взгляде Хиросуэ вмиг проступила боль. Мацуока потянулся за блокнотом, лежащим на котацу.

«Я не люблю, когда трогают мои волосы», — написал он и как только поднял записку, чтобы показать её Хиросуэ, то уловил перемещение позади себя. Прежде чем он успел обернуться, его обняли со спины.

Из уст Мацуоки едва не вырвался возглас. По спине расплылось ощущение чужого тепла, сильные руки сомкнулись на животе. Он оказался в ловушке между ног мужчины.

На шею опустилось влажное прикосновение. Поцелуй-укус не был болезненным, но заставил сердце трепетать. Мацуока почувствовал, как ладонь мужчины крадётся вверх в стремлении прикоснуться к груди, и торопливо написал: «Не надо». Сразу после

этого пальцы спустились вдоль тазовой косточки и погладили бедро. Мацуока перехватил дразнящую ладонь.

Получив отказ, Хиросуэ больше не пытался к нему притронуться. Однако в поцелуях ему не отказывали, поэтому он целовал Мацуоку снова и снова.

Их взгляды переплелись, будто у любовников. Хиросуэ определённо не был симпатичным, но чем дольше Мацуока смотрел на него, тем более привлекательным находил. Его охватила слабость, заглушающая рассудок.

— Полдвенадцатого, — пробормотал мужчина. — Последний поезд ушёл. Теперь вы не попадёте домой.

При желании вернуться домой необязательно садиться на поезд. Можно вызвать такси. Есть и другие способы. Ушёл последний поезд или нет — это никакой роли не играет. Но после слов Хиросуэ Мацуока подумал, будто и вправду не сможет уйти.

— Я хочу, чтобы вы остались со мной до утра, — мужчина крепче обнял Мацуоку. — Я ничего не сделаю... Пожалуйста, только до утра...

Мацуока тихо вздохнул. Возможно, это не было хорошей идеей и ему не следовало бы оставаться на всю ночь, но он решил остаться, дабы угодить мужчине.

В полшестого утра, когда рассвет едва брезжил, Мацуока проснулся и обнаружил себя в объятиях мужчины. Накинутое поверх одеяло, пропитанное запахом Хиросуэ, казалось тяжёлым. Ему не было холодно на татами, потому что всё это время его согревало тепло чужого тела. Мацуока шевельнулся, но Хиросуэ и не думал просыпаться.

Мацуока приподнялся с пола и провёл ладонью по лицу мужчины. Ощущение жёсткой щетины отдалось теплом внизу живота. Поддавшись порыву, Мацуока оставил на щеке мужчины поцелуй. Хиросуэ сдержал слово и действительно не сделал ничего

против его воли. Совершенно здоровый тридцатилетний мужчина и вправду не зашёл дальше объятий любимой женщины во время её сна. Эта искренность покоряла.

Мацуока поцеловал мужчину, прежде чем подняться на ноги и подобрать сумочку. Он оставил записку, в которой коротко попрощался, и направился к двери. Внезапно позади послышался шорох. Встревоженный Хиросуэ бросился вдогонку.

— Госпожа Ёко!

Его волосы были спутаны, а веки припухли ото сна.

— В-вы уходите?

Мацуока молчаливо кивнул. Мужчина в отчаянии опустился на пол, и Мацуока взял его за правую руку.

«Поезда уже ходят».

— Но...

«Вам ведь тоже на работу?»

— Да, но...

Хиросуэ не решался задать следующий вопрос, хотя хорошо понимал, что им обоим пора на работу.

— Когда я снова вас увижу? — спросил он. — Когда вы позволите мне вас увидеть?

Мацуока не мог давать поспешных обещаний.

— Могу я снова писать вам сообщения? И звонить?

Мацуока кивнул. Кивнул и прильнул к Хиросуэ, сомкнув руки вокруг его шеи. Нежно обняв, поцеловал так, словно они были парой.

Хиросуэ был ошеломлён. Прямо на глазах Мацуоки выражение лица мужчины из унылого преобразилось в самое радостное, какое он когда-либо видел. Впервые созерцая Хиросуэ таким, сердце Мацуоки беспокойно дрогнуло.

Не прошло и пары-тройки минут после расставания, как поступило сообщение.

«Это был самый лучший день рождения», — гласило оно. Ещё одно пришло, пока он читал первое.

«После вашего ухода пытаюсь собраться на работу, но не могу сосредоточиться», — писал Хиросуэ. — «Все мои мысли только о Вас. Не успели мы с вами распрощаться, а я уже думаю о том, когда увижу Вас снова». После трёх сообщений подряд последовало кратковременное молчание.

Прибыв на станцию, Мацуока ощутил необходимость посетить уборную. Он зашёл в мужскую половину, сконфузив своим видом мужчину средних лет. Вспомнив о своём облике, торопливо перешёл в женский туалет. Закончив и ополоснув руки, он поднял взгляд на своё отражение в зеркале и ужаснулся.

Макияж «поплыл», его основа стала липкой, а от помады на губах не осталось и следа. Сейчас он настолько был похож на самого себя, насколько это было возможно. Поспешно прикоснувшись к подбородку, он почувствовал шероховатость. Волосков не наблюдалось, но отчётливо ощущалась небольшая щетина. Они так много целовались, неужели Хиросуэ ничего не заподозрил?

Мацуока проворно поправил макияж и вышел. Даже приведя себя в относительный порядок, он опасался, что кто-нибудь может заметить щетину, и шёл с опущенной головой.

Стоя в толпе школьников на платформе, он получил четвёртое сообщение от Хиросуэ:

«Я рад, что смог провести с Вами время. А Вы? Надеюсь, Вы не потакали моему самолюбию?»

Это было не так, о чём он, собственно, и собирался написать, но пришло новое сообщение:

«Я люблю Вас». И не успел опомниться, как следующее оповестило: «Я очень, очень сильно Вас люблю».

Мацуока мог только предполагать, с каким лицом мужчина писал эти слова.

«Я тоже люблю Вас», — написал он в ответ, решив не думать о прошлом или будущем. Он хотел донести до мужчины свои искренние чувства — любовь к нему.

Сам того не сознавая, он уже полностью сдался в этой игре.

Мацуока принял приглашение Хиросуэ сходить на ужин спустя три дня после проведённой вместе ночи. Близился конец года и работы было очень много, но он всё равно согласился. К тому же, отмахнувшись от раздражённого босса, ушёл домой на три часа раньше положенного времени, чтобы успеть переодеться и накраситься.

В назначенный день Мацуока пребывал в приподнятом настроении с самого утра. Всё время он только и думал, что о предстоящей встрече с Хиросуэ. Они не прерывали общение, переписываясь ежедневно, однако Мацуоке этого было мало, и он осознал, что начинает хотеть большего.

Он понимал, что сблизиться с Хиросуэ в образе женщины неправильно и рано или поздно ему придётся признаться. Знал, но не решался. Он наслаждался встречами с Хиросуэ, даже будучи в таком виде. «Ещё немного, ничего страшного», — думал он.

Ужин состоялся во французском ресторане — самая лучшая попытка Хиросуэ его впечатлить. Когда им предоставили список вин, Хиросуэ, сосредоточенно уставившись в перечень, беспомощно изогнул бровь. Один только его вид очаровывал Мацуоку, и несколько раз ему приходилось сдерживать смех.

Они замечательно провели время за вкусным ужином. Покинув ресторан в девять вечера, они не решились разойтись по домам сразу же и отправились на прогулку. Мацуока напрягся, когда они приблизились к улице с отелями, но Хиросуэ даже не взглянул в их сторону.

На прощание мужчина поцеловал его на платформе, прямо на публике, что заставило смущаться. Мацуоку всегда удивляло то, как люди могут без стеснения целоваться на виду у других. Но, оказавшись в подобной ситуации, понял, что это был совершенно иной уровень отношений, которым нечего стыдиться. Импульс, возникший внутри, он не смог бы подавить, даже если бы захотел.

После расставания ощущение поцелуя всё ещё горело на губах; пришло сообщение:

«Забыл спросить. Давайте вместе сходим на хацумодэ¹ в Новом году?»

Упоминание хацумодэ побудило Мацуоку задуматься о будущих планах.

«Когда пойдём?» — спросил он.

«Как насчёт третьего или четвёртого числа? Я поеду к родителям на Новый год. А какие у Вас планы, госпожа Ёко?» — пришёл ответ.

Прочитав сообщение, Мацуока пал духом. Его родители собирались в поездку: планировали провести Новый год на горячих источниках, желая расслабиться после усердной работы. Они и Мацуоку приглашали, но он отказался, посчитав, что стал слишком взрослым для совместного отдыха с родителями.

Если бы Хиросуэ остался, они бы провели конец года вместе. Но этого не произойдёт, потому что он поедет в родной город. Мацуока не решился вмешиваться в жизнь чужой семьи: если бы он упомянул своё желание остаться, то Хиросуэ наверняка бы никуда не уехал.

¹ Прим.: Хацумодэ (яп. 初詣) – первое посещение храма в новом году (по традиции в первых числах января).

«Я тоже поеду к родителям», — наконец написал он.

«Тогда, получается, в следующий раз я увижу Вас уже в новом году», — такая беззаботность давила на нервы. Мацуоке хотелось бы остаться рядом, но это казалось плохой идеей.

«Точно», — коротко ответил он, всё ещё раздражённый.

Похоже, Хиросуэ уловил настроение собеседника по тону полученного ответа и прислал сообщение с вопросом:

«Вы злитесь?»

Мацуока проигнорировал его и выключил телефон. Около часа спустя, включив аппарат, обнаружил с десяток сообщений, и все от Хиросуэ, начинавшихся словами «Почему Вы злитесь?», затем «Что-то не так? Я сказал что-то, что Вас задело?», и кончавшихся «Извините».

Если оставить всё как есть, Хиросуэ наверняка весь изведётся и не сможет уснуть. Потому Мацуока написал:

«Нет, это мне стоит извиниться. Ничего особенного».

Ответ последовал так быстро, словно мужчина не отрывал взгляда от телефона:

«Рад слышать».

Их переписка закончилась пожеланиями спокойной ночи. Мацуока рассеянно опустился на диван, по-прежнему находясь в женской одежде и даже не стерев макияж.

Будучи сознательным человеком, он отлично представлял, насколько сильно Хиросуэ ограничивает свои потребности. Невозможно, чтобы взрослый мужчина не желал физической близости с женщиной, которая питает к нему взаимные чувства. Мацуока не мог отрицать того, что временами чувствовал на себе особенный взгляд Хиросуэ, однако тот не предпринимал попыток пригласить его в отель. А если бы и попытался, то Мацуока, естественно, отказался бы.

Целоваться было приятно, и Мацуока не возражал против прикосновений. Но даже если они любят друг друга, женское и мужское тела — не одно и то же. Однажды придётся признаться. Ему придётся сказать, что он мужчина. Он понимал это с самого начала и пытался сблизиться с Хиросуэ, будучи в своём реальном облике, но не смог даже привлечь внимания.

Мацуока хотел, чтобы Хиросуэ полюбил его сильнее. Он хотел, чтобы любовь этого человека стала настолько глубока, что вышла бы за пределы половой притязательности. Чтобы ему стало неважно, женщину он любит или мужчину.

Наступил Новый год, и третьего января Мацуока увиделся с Хиросуэ. Они условились встретиться перед станцией, но та просто кишела людьми. Сердце Мацуоки ускорило ритм, стоило лишь заметить спешащего к нему Хиросуэ. Прошла всего неделя с их последнего свидания, и несмотря на то, что они почти каждый день переписывались, личная встреча воспринималась иначе. Совершенно по-другому.

— С Новым годом! — улыбаясь, приветствовал Хиросуэ. Кончик его носа и щёки покраснели, и Мацуока догадался, что мужчина бежал, стараясь не опоздать. Это было так мило, что захотелось обнять Хиросуэ.

По пути от станции к храму они держались за руки, а оказавшись в толпе, переплели их. Хиросуэ говорил мало, но этого казалось достаточно. Преодолев длинную тропу до святилища, они помолились и взяли листочки с предсказаниями.

— Что у вас? — Хиросуэ попытался подсмотреть, но Мацуока отвернулся, чтобы ознакомиться с предсказанием без свидетелей. Оно гласило: «Будущая удача», а в графе под названием «любовь» значилось: «Впереди трудности. Дождитесь подходящего момента». Мацуока криво улыбнулся и быстро повесил бумажку на веточку ближайшего дерева около продавца предсказаний. Он заставил Хиросуэ показать свой листочек — там была «Большая удача», тогда как о любви было сказано: «У Вас всё получится, если

Вы будете настойчивы и терпеливы». Мацуока задумался, почему их судьбы так отличались, если речь шла об одной и той же любви.

На обратном пути у Мацуоки разболелась нога. Обратив внимание на его изменившуюся поступь, Хиросуэ усадил Мацуоку на один из больших камней у входа в храм. От долгой ходьбы в обуви на шпильках по гравию на большом пальце вздулась мозоль.

— Не нужно было так себя мучить, — сказал Хиросуэ. Но сегодня Мацуоке во что бы то ни стало хотелось быть на шпильках.

При первой мысли о хацумодэ захотелось надеть кимоно. Но даже арендуй он наряд, всё равно не знал, как правильно его носить. И даже попрактикуйся он в его ношении, это ничего не дало бы — кимоно обнажало шею. Он подумывал о том, чтобы скрыть её мехами, однако в таком случае пришлось бы носить их целый день.

Мацуоку терзала мысль о возможном желании Хиросуэ увидеть Ёко в традиционной одежде, но в конечном счёте сдался. Вместо этого он решил одеться достаточно мило, компенсируя отсутствие на нём кимоно, в которых будут другие женщины вокруг целый день, и смотреться среди них не хуже. Тёмно-зелёное платье из велюра и изящные туфли на шпильках отлично между собой сочетались. Он тогда подумал о возможных мозолях, но не захотел разрушать идеальный образ парой «старушечьих» балеток.

Стоявший рядом Хиросуэ выглядел обеспокоенным. Мацуока взял мужчину за руку и написал на ней: «Всё в порядке, я могу идти».

— Но у вас ведь болит нога, не так ли?

Мацуока покачал головой, но сомнение не ушло с лица Хиросуэ. Внезапно наклонившись, он подхватил Мацуоку на руки.

— Держитесь крепче. Выйдем на улицу и возьмём такси.

Не спрашивая разрешения, он продолжил идти. Смутившись, Мацуока сомкнул руки вокруг шеи мужчины и уткнулся лицом тому в плечо.

Добравшись таким образом до главной улицы, они поймали такси.

— Не думаю, что вы сможете пойти на обед с больной ногой, — сказал Хиросуэ, и они поехали домой. Заднее сиденье автомобиля было достаточно просторным для того, чтобы уместить троих взрослых людей, но они сидели, прижавшись друг к другу.

Позволив Хиросуэ проводить себя до двери квартиры, Мацуока тут же пожалел об этом. Было очень грубо отсылать мужчину домой от своего порога, тогда как полагалось пригласить его на чай.

Однако костюм и портфель были в комнате, а в прихожей стояла пара мужских ботинок. Он ни в коем случае не мог впустить Хиросуэ.

А тот с надеждой, словно верный пёс, ожидал следующих слов.

«Спасибо Вам за сегодня. Простите за неудобства», — написал Мацуока на ладони Хиросуэ. Его мягко погладили по голове.

— Не беспокойтесь, — в глазах мужчины была только нежность. Мацуока восхищённо смотрел в ответ. Будь он женщиной, наверняка пригласил его в дом. И хотел бы узнать, какво заниматься с ним любовью.

— Я бы хотел увидеть ваш дом, госпожа Ёко, — произнёс Хиросуэ, пока они смотрели друг другу в глаза.

«Простите, у меня не прибрано».

— Хотя бы чуть-чуть.

«Простите», — упорно отказывался Мацуока. Хиросуэ больше не настаивал, взамен крепко обняв и поцеловав. Мацуока хотел этого, поэтому обнял в ответ. Простого ощущения шероховатых губ хватило, чтобы возбудить его.

Поцеловавшись, они продолжали стоять в обнимку. Поглаживающая по спине рука успокаивала.

— Знаете, когда я приехал домой, — пробормотал Хиросуэ, — меня спросили, скоро ли я женюсь. Спрашивают каждый год. И на этот раз я сказал, что у меня есть любимый человек. Я сказал, что люблю её настолько, что думаю о свадьбе.

Мацуока вздрогнул всем телом.

— Я похвастался, что она прекрасна душой и телом.

Его немного наивная улыбка отозвалась волною вины в Мацуоке.

— Вот насколько я серьёзен на ваш счёт.

Мужчина не разомкнул бы объятий ещё долго, поэтому Мацуоке пришлось отправить его домой, сославшись на усталость. Оставшись дома один, он поражённо сел. Хиросуэ было тридцать четыре: в таком возрасте не встречаются с женщинами ради веселья. Тема женитьбы вполне закономерно всплыла в ходе их встреч.

Но даже если Хиросуэ хотелось создать семью, то с ним это было невозможно. Мацуоку влекло к мужчине. Ему нравилось с ним целоваться, и хотелось бы заняться сексом, но он никогда не сможет выйти за него замуж. Если им не суждено сыграть свадьбу, а Хиросуэ хочет нормальной семьи, то не лучше ли им расстаться?

Мацуока полюбил Хиросуэ. С ним было весело и быстро билось сердце, но что важнее — мужчина был добр. И неважно, что он был ранимым и нерешительным. Неважно, что из него никчёмный работник. Мужчина признался ему в любви, и Мацуока любил его в ответ. Неужели им действительно нужно расстаться?

Зазвенел телефон — новое сообщение. Мацуока дёрнулся на привычный звук.

«Как Ваша нога?»

Его сердце кольнуло от доброты, исходящей от этих слов.

Конохара Нарисэ: «О красоте» Том первый

«И то, что я сказал, не было шуткой. Я хочу, чтобы Вы знали, госпожа Ёко, насколько серьёзны мои намерения».

Это было сродни удару по лежащему.

«Я люблю Вас. Не знаю, сколько раз я это уже написал, но...»

Мацуока промотал сообщение до самого конца — там снова и снова повторялись слова: «Я люблю Вас».

— А сможешь ли ты повторить, что любишь меня, окажись я мужчиной? — вслух спросил Мацуока о том, на что никогда не получит ответ.

В четверг что-то изменилось. Обычно по возвращении с работы его ожидало сообщение, но в тот день он ничего не получил, хотя было уже за полночь.

Он подумал, что Хиросуэ был занят, и не придавал этому значения. Но вот миновала пятница, настала суббота, и за это время не поступило ни звонка, ни сообщения. Близились воскресенье, а Хиросуэ всегда спрашивал его о планах на выходные. Мацуока получал различного вида приглашения: «Не хотите куда-нибудь сходить?», «Не желаете встретиться за обедом?» — и, предвидя это, он всегда оставлял в планах свободные дни. Даже будучи немного уставшим после работы, он всё равно приходил.

Впервые за период их свиданий Хиросуэ с ним не связался. Забеспокоившись, Мацуока отправил сообщение:

«Вы заняты?»

Прошло несколько часов, а ответа всё не было. Он не мог представить, что Хиросуэ сознательно игнорирует его. Может, он ранен и не в состоянии двигаться? Дурное предчувствие скреблось на душе.

Вечером Мацуока тщательно покрасился и вышел на улицу. Падал снег, и было морозно. На свидание с Хиросуэ он всегда надевал юбку, из-за чего ноги вечно замерзали, но он терпел.

Они начали встречаться в конце декабря, а сейчас был конец февраля. Почти два месяца. Мацуока всё-таки продолжил отношения, так и не осмелившись раскрыть свою реальную личность.

Он постоянно обдумывал, когда и как это лучше сделать, но никак не мог прийти к решению и выбрать подходящее время. Тратя его попусту и оттягивая момент, он так сблизился с женщиной, что пути назад уже не было.

Мацуока узнал запах Хиросуэ, каковы на вкус его поцелуи и ощущения от поглаживаний по спине. Он узнал, что Хиросуэ младший из трёх детей в семье, и что его старшие братья уже женились. Он узнал, что люди считали его тихим и спокойным ещё с детства.

У Хиросуэ полностью отсутствовали какие-либо увлечения: его не интересовали ни кино, ни музыка, ни спорт. Когда он открыто признавался в том, что «Госпожа Ёко» нравится ему больше, чем кто-либо, это точно было от души и шло от самого сердца. Мацуока находил это настолько очаровательным, что хотел бы съесть мужчину. Он знал, что Хиросуэ целиком и полностью принадлежит ему и только ему.

Мацуока сошёл на станции возле дома Хиросуэ и направился к его квартире. Он отправил сообщение, когда ехал в поезде, но ответа не последовало.

Стоя у двери, он расслышал звуки телевизора. Но это необязательно значило, что Хиросуэ дома — Мацуока знал, что мужчина обычно оставляет включёнными свет и телевизор, если выходит ненадолго.

Нажав на звонок, Мацуока услышал шорох изнутри.

— Иду!

Конохара Нарисэ: «О красоте» Том первый

Дверь отворилась. Хиросуэ не был ранен и больным не выглядел. Его лицо исказилось, когда он увидел гостя. Обычно были улыбка и вопрос: «Что-то случилось?», но на этот раз реакция отличалась.

«Вы не отвечали на мои сообщения, так что...» — написал Мацуока и показал ему.

— А... да. Я был занят. Простите, — прозвучало невнятное оправдание.

«Я беспокоилась, думала, Вы больны или ранены».

— Простите. Мне очень жаль, — опустил голову Хиросуэ.

«Рада видеть, что Вы в добром здравии». Но даже после того, как Мацуока показал записку, Хиросуэ продолжил смотреть в пол. Снаружи было холодно. Рассматривая опущенную голову мужчины, он засомневался в том, что Хиросуэ впустит его.

— Простите, что вынудил проделать такой путь, но не могли бы вы уйти?

Мацуока остолбенел.

— Извините.

Хиросуэ не пригласил его в квартиру и попросил вернуться обратно под холодное зимнее небо. В это не верилось.

«Я правда...»

Дверь громко захлопнулась, не дав времени на ответ. Потрясённый, Мацуока стоял перед дверью в полной тишине. Он часто бывал в гостях у Хиросуэ, и мужчина всегда провожал его до станции. Сегодня он не сделал даже этого.

В нём закипел гнев. Мацуока был так разъярён, что совершенно не ощущал холода по дороге обратно. Он выключил телефон — если Хиросуэ пришлёт сообщение с извинениями, он проигнорирует это. Но вернувшись домой, Мацуока не обнаружил ни единого сообщения. Ни благодарности за визит, ни тем более извинений.

Было не по себе. Он не знал, что стояло за переменой в поведении Хиросуэ. В последний раз, когда они виделись, всё было нормально. Как всегда, они расстались, поцеловавшись, и Хиросуэ сказал, что любит его.

Мацуока думал, думал, и в конце концов пришёл к выводу, от которого побелел.

«Наверное, он узнал, что я мужчина». Это объясняло резкое прекращение переписки. Хиросуэ злился и больше не хотел с ним общаться. Но как так вышло? Насколько Мацуока мог судить, он не совершал никаких глупостей, которые могли бы выдать его.

Они целовались и обнимались много раз, но Мацуока не допускал прикосновений к своей груди. Он был крайне внимателен к своей коже, особенно на лице, всегда надевал одежду с высоким воротом или повязывал шарфы, чтобы скрыть адамово яблоко. Но Хиросуэ всё-таки догадался. Они провели много времени вместе, и Мацуока, наверное, невольно что-то упустил.

Хиросуэ больше его не любит. От одной только мысли об этом у Мацуоки почернело перед глазами. Не позаботившись о снятии макияжа и женской одежды, он рухнул на пол в своей комнате. Вот поэтому ему давно следовало бы стереть Ёко Это из реальности: ещё до того, как мужчина догадается сам. Он должен был продолжать строить отношения с Хиросуэ в настоящем облике, и неважно, сколько бы времени на это ушло.

Но, подобравшись так близко к сердцу мужчины, был ли он способен начать всё с начала? Ведь он уже привык к признаниям в любви, а объятия и поцелуи стали нормой.

Его истощение от монотонных дней, полных изнурительных рабочих визитов и желание расслабиться по выходным не были столь значимыми, как встречи с Хирросуэ. Прогуливаться вместе было здорово, но и просто бывать у мужчины дома ему тоже нравилось. Однажды, когда Мацуока в шутку сел на колени к Хиросуэ, тот просиял от счастья. И после этого случая, если хотелось заставить мужчину улыбнуться, он нарочно усаживался ему на колени. Иной раз его целовали и обнимали, покачивая, отчего

становилось настолько уютно, что он начинал дремать. Мацуока мог даже уснуть в его руках, потому что был уверен — Хиросуэ никогда не воспользуется его беззащитностью.

Он любил этого человека, называющего себя плохим собеседником и старающегося сделать общение для Ёко занимательным. Хиросуэ рассказывал о своём детстве, о времени студенчества. Мацуока чувствовал, будто заглядывает в прошлое мужчины, и наслаждался этим. Несколько раз тот спрашивал: «Вы не скучаете от того, что я не рассказываю что-нибудь более интересное?» Но Мацуока не возражал.

Он ходил на свидания даже уставшим, и не потому, что звали, а потому, что сам хотел увидеться с Хиросуэ. От встреч и времени, проведённого вместе, становилось легко на сердце. Если он был в дурном настроении по какой-либо причине, то рядом с Хиросуэ все проблемы отходили на второй план или забывались вовсе.

Может, мужчина просто был занят, а Мацуока пришёл некстати. Может, Хиросуэ ничего и не подозревает о его половой принадлежности, а Мацуока просто накрутил себя. У каждого бывает время, когда хочется побыть наедине с собой, когда хочется остаться одному.

Мацуока не мог думать ни о чём другом, словно его мозг был способен работать только над этой темой. Хиросуэ прознал, что встречается с женщиной, или с ним случилась какая-то внезапная неприятность?

Мацуока включил телефон и попытался снова:

«На что Вы злитесь?»

Полтора часа он решал, что именно написать. После тяжких раздумий он выбрал простую и короткую формулировку. Ответ пришёл пять минут спустя.

«Вы что-то от меня скрываете, госпожа Ёко?»

Мацуоку бросило в дрожь, как только он прочитал сообщение. Теперь он был уверен. Мацуока не представлял, как разрешить ситуацию. Возможно ли было как-то объясниться? Если он будет просить прощения снова и снова, сработает ли это?

Конохара Нарисэ: «О красоте» Том первый

Он выключил телефон и убрал с глаз долой. Он боялся извиняться. Скорее всего, Хиросуэ не станет гневно набрасываться на него за обман, но сердце не было готово к укорам, которые, несомненно, последуют.

Будь это игрой, будь шуткой, он наверняка легко бы сказал: «Извини!» Но теперь он уже не мог этого сделать. Просто не мог.